

Минцлов Сергей Рудольфович

Клад
Повесть

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Рудольфович М.**
Клад: Повесть / Минцлов Сергей Рудольфович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 135 с.

ISBN 978-5-519-96709-9

ISBN 978-5-519-96709-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

какіе-нибудь! Садъ вырубятъ, — для нихъ это первое дѣло! А на его мѣстѣ салотопенный заводъ откроютъ. Жалко Лунева!

— Отца мнѣ жалко. Болтаешь все зря: какъ мы поможемъ? Гдѣ онѣ, деньги, у насъ?

— Надо добыть!

— Какъ?

Александръ не далъ отвѣта. Братъ скоро разошлись по пустыннымъ комнатамъ.

Подобные разговоры не разъ происходили между ними. Настроеніе въ домѣ царило гнетущее. Отца ихъ, владѣвшаго довольно большимъ состояніемъ, вовлекли въ спекуляціи, и онъ очутился вдругъ напунѣ полного разоренія. Мать, полубольная женщина слегла окончательно. Для сокращенія расходовъ вынуждены были отпустить гувернантку единственной дочери Зины. Въ домѣ какъ будто лежалъ умирающій: всѣ ходили на ципочкахъ, говорили шепотомъ. Только третій сынъ, самый младшій въ семьѣ, весной перешедшій изъ приготовительнаго въ первый классъ гимназіи, шумѣлъ и беззаботно носился по лѣстницамъ угрюмаго дома, наполняя его смѣхомъ и гамомъ. Правоученія Александра о неприличіи такого поведенія не помогали: Юра проникался ими на мигъ, но скоро забывалъ и снова летѣлъ съ радостными криками по двору или комнатамъ.

Послѣ описаннаго выше разговора, за цѣлый день старшіе братья не обмолвились другъ съ другомъ ни словомъ; правда, Александръ попытался было начать еще разъ бесѣду съ Романомъ, но увидавъ, послѣ долгихъ поисковъ, что тотъ насупясь сидитъ въ концѣ самой глухой аллеи, не рѣшился подойти къ нему и направился къ сестрѣ, на террасу дома.

Зина, увлекающаяся и заразительно веселая прежде, съ уходомъ гувернантки рѣзко измѣнилась. Она вдругъ поняла всю величину грозившаго имъ не-

счастія, и смѣхъ и беззаботный говоръ ея стихли. Даже хорошенъкое продолговатое личико ея, обрамленное чуть вьющимися темнорусыми волосами, вытянулось и похудѣло. Большіе синіе глаза пріобрѣли вопросительно-испуганное выраженіе. Услыхавъ чьи-то быстрые шаги, Зина положила на колѣни книгу и подняла глаза.

— Идея! заговорилъ Александръ, взоидя на террасу и останавливаясь въ излюбленной имъ небрежной позѣ передъ сестрою. — Иванова ночь, кажется, дней черезъ 7 будетъ?

— Да, черезъ недѣлю... а что?

— Я, конечно, глупостямъ разнымъ не вѣрю... продолжалъ Александръ съ озабоченнымъ видомъ, — но отчего бы и не попробовать, разъ дѣла наши обстоятъ такъ скверно? Какъ это только мнѣ раньше въ голову не пришло!

— Да что, Саша?

— То, что не пойти ли въ Иванову ночь поискать цвѣтокъ папоротника: говорятъ, въ эту ночь онъ пріобрѣтаетъ чудодѣйственную силу. Конечно, можетъ-быть, это и сказки, но вѣдь достовѣрно извѣстно, что всѣ растенія пріобрѣтаютъ разныя свойства въ свои сроки... Можетъ, и дѣйствительно, у папоротника является странная сила? Отчего не попытаться счастья?

— Конечно, отчего же?... поспѣшно отозвалась, жадно слушавшая любимца всей семьи, Зина; Саша былъ для нея чѣмъ-то въ родѣ оракула. — Только это страшно, одному: ты поговори съ Романомъ!

— Съ Романомъ я говорить не стану!

— Отчего, Саша?

— Оттого, что все равно изъ этого никакого толку не выйдетъ. Онъ скажетъ, что все это глупости. Если бы можно было уговорить его!...

— Ты объясни, какъ это важно. Ты такъ хорошо умѣешь говорить!

— Что жъ, что я умѣю говорить! Объяснить можно только тому, кто будетъ тоже говорить съ тобою; а вѣдь онъ, по своему корпусному обычаю, отвѣтитъ: «дуракъ» и на этомъ и кончить.

— Хочешь, я скажу ему?

— Ну, онъ вмѣсто дурака «дура» скажетъ, — только и будетъ разницы!... Нѣтъ, эту затѣю бросить надо!... добавилъ послѣ раздумья Александръ. — Романъ не пойдетъ... Другое что-нибудь надо выдумать!

И Александръ ушелъ размышлять въ аллею, соприкасающуюся, впрочемъ, съ излюбленными имъ клубничными грядами, часто помогавшими ему разсѣивать меланхолію.

Отца ждали къ ужину, но онъ не пріѣхалъ; это служило плохимъ знакомъ, и расположеніе духа всѣхъ омрачилось еще болѣе.

Молча прошли мальчики въ свою комнату, молча раздѣлись и улеглись по постелямъ. Юра звонко началъ было рассказывать, какого огромнаго окуня вытащилъ онъ утромъ на удочку; но Романъ буркнулъ на него, и Юра нырнулъ въ постель, завернувшись съ головой въ одѣяло и черезъ минуту уже спалъ сладкимъ сномъ.

Романъ долго слышалъ, какъ Александръ возился на своей постели. Наконецъ, Александръ тихо окликнулъ его:

— Романъ!

Романъ промолчалъ.

— Романъ! повторилъ Александръ, и не слыша опять отвѣта, тяжело вздохнулъ и замолкъ.

Ночь уже уходила съ земли, когда Романъ почувствовалъ на плечъ своемъ чью-то руку. Онъ открылъ глаза и при чуть брезжившемъ въ окно свѣтѣ раз-

личилъ сидѣвшаго на краю постели его, завернутаго въ одѣяло брата.

— Чего тебѣ? недовольно спросилъ Романъ.

— Романъ, прерывающимся голосомъ проговорилъ Александръ. — Романъ, я нашелъ средство помочь намъ!

— Ну? Вѣниковъ нарѣзать да въ гимназію вашу продать? насмѣшливо спросилъ Романъ.

— Нѣтъ! Ты любишь археологію, такъ слушай: мы должны съ тобой отыскать кладъ!

Романъ приподнялся на локтѣ.

— Кладъ? Ты въ умѣ или совсѣмъ рехнулся? Кто его для насъ закопалъ?

— Нѣтъ, я въ умѣ! горячо возразилъ Александръ. — Выслушай до конца только! Въ старину были войны, разбои, и жители зарывали свои сокровища въ землю; тоже дѣлали и разбойники въ становищахъ. Такъ вѣдь?

— Такъ. Ну, дальше что? Романъ сѣлъ рядомъ съ братомъ.

— А мѣста такихъ становищъ болѣе или менѣе извѣстны, — это разъ. Наконецъ, изъ исторіи извѣстно, что на рѣкѣ Вожѣ стояло богатое село, которое, оборонялось отъ татаръ и было сожжено ими; жители передъ приступомъ, конечно, закопали свое и церковное имущество. Поищемъ тамъ, а ничего не найдемъ — спустимся къ Окѣ; тамъ были притоны разбойниковъ, много пещеръ, кургановъ... Иначе мы ничего не можемъ сдѣлать. И вдругъ намъ удача будетъ! Вообрази только, Романъ: ни мама, ни отецъ ничего не знаютъ — и вдругъ явимся мы и принесемъ котлы съ деньгами! а?

Романъ крѣпко задумался. Идея брата поразила его воображеніе.

— Что жъ, ты правъ! проговорилъ онъ наконецъ. — Удастся, не удастся, а попробовать мы обя-

заны. И чѣмъ скорѣе начнемъ дѣло, тѣмъ лучше! Только какъ мы уйдемъ изъ дому? Вожа вѣдь въ Рязанской губерніи, — цѣлая ночь ѣзды до нея!

— Уйти — пустяки! увѣренно возразилъ Александръ; такое неожиданно-быстрое согласіе брата, обыкновенно нелегко соглашавшагося съ нимъ, наполнило его радостью. — Насъ, вѣдь, давно зовутъ къ себѣ погостить Левашевы, — отпросимся къ нимъ и уйдемъ...

— Да вѣдь Левашевы въ Нижегородской губерніи живутъ... какъ же мы къ нимъ поѣдемъ?

— Да мы и не поѣдемъ къ нимъ вовсе: скажемъ такъ только... Конечно, это нехорошо обманывать, — но вѣдь мы не такъ себѣ это сдѣлаемъ, а ради папы же съ мамой? Если скажемъ правду насъ не отпустятъ!

— Вѣрно! угрюмо согласился Романъ, не терпѣвшій никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, что позволялъ себѣ иногда Александръ, всегда находившій потомъ оправданіе своимъ поступкамъ и легко успокаивавшійся поэтому. Александръ вскочилъ съ постели брата; одѣяло полетѣло въ уголь, а самъ онъ заплясалъ босикомъ по комнатѣ.

— Ура! Ёдемъ, значить, ёдемъ!

— Экъ разбираетъ его! сказалъ Романъ, глядя на выкидывавшаго необыкновенныя антраша брата. — Подумаешь, ты ужъ нашелъ кладъ, что такъ возрадовался!

— Когда же мы ёдемъ? Сегодня, завтра? Лучше сегодня!

— Надо сперва маршрутъ составить, — мѣста выяснить хорошенько, гдѣ могутъ быть клады зарыты; а затѣмъ ѣхать. А деньги гдѣ возьмемъ на поѣздку? неожиданно добавилъ Романъ.

Александръ остановился.

— Деньги?... Да, вотъ деньги!... Александръ сѣлъ. Наступило молчаніе.

— У меня есть скопленныхъ за зиму 25 рублей съ копѣйками... сказалъ Романъ. — У тебя сколько?

Александръ вздернулъ плечами: онъ умѣлъ только тратить, и небольшія карманныя деньги, выдававшіяся ежемѣсячно отцомъ, незамѣтно расходовались имъ на духи и перчатки.

— У Зины есть! радостно вскрикнулъ онъ черезъ минуту. Романъ поморщился.

— Откроемъ ей свой планъ, значить?

— Конечно! Что жъ такое! Она не хуже насъ сумѣетъ сохранить тайну! А деньги у нея есть, — она сама мнѣ говорила!

— Сколько?

— Десять рублей.

— И того тридцать пять. Хватить ли?

— Хватить! увѣренно возразилъ Александръ. — Еще бы! Да вѣдь и мама же дастъ намъ сколько-нибудь на дорогу...

— А если у мамы нѣтъ?

— Ну, какъ нѣтъ!... какихъ-нибудь 25 рублей? Мама же давно обѣщала отпустить насъ къ Лева-шевымъ.

— Стыдно теперь у мамы спрашивать!

— Да вѣдь мы же не на вѣтеръ бросать хотимъ эти деньги! Мы ихъ вернемъ. Ну, у мамы не будетъ, — займемъ у кого-нибудь! Вернемся — расплатимся!

Непоколебимая увѣренность, звучавшая въ голосѣ брата, видимо, дѣйствовала на Романа. Онъ проворчалъ сквозь зубы что-то въ родѣ: «Медвѣдя не убилъ, а шкуру продаешь уже», и сталъ одѣваться.

— Надо точно рассчитать маршрутъ, заговорилъ онъ опять: — по пустякамъ плутать некогда. Компасъ возьмемъ съ собою, карту.

— Главное, провизіи необходимо побольше, подхватилъ Александръ. — Какъ можно больше надо ея взять: въ населенныя мѣста мы показываться не будемъ, — въ лѣсахъ будемъ.

— Это зачѣмъ?

— Какъ же! вѣдь мы кладоискатели: могутъ выслѣдить и помѣшать, отнять все... Наконецъ, подумаютъ, что мы убѣжали откуда-нибудь, и въ первомъ же селѣ заберутъ насъ. Непремѣнно тайно надо дѣйствовать. Охъ, какъ же это интересно будетъ!

Александръ даже подпрыгнулъ отъ удовольствія.

Еще не вставало солнце, когда оба брата, одѣтые, но съ сапогами въ рукахъ, осторожно пробрались по амфиладѣ комнатъ въ библіотеку; во всѣхъ углахъ и подъ старинной мебелью прятались сумерки; казалось, не тѣни это, а остатки сновъ гнѣзятся еще вездѣ и все и живое и неодушевленное объято и грезить ими. Затаивъ дыханіе, прокрались братья мимо комнаты чутко спавшей матери, поднялись по скрипучей лѣстницѣ наверхъ и очутились въ просторной библіотекѣ. Установленныя книгами полки отъ потолка до полу покрывали стѣны. Посреди комнаты, подъ висячею лампой, находился большой квадратный столъ, покрытый зеленою суконною скатертью; около него стояли два кресла.

Полдень засталъ братьевъ въ той же библіотечной комнатѣ. На столѣ грудами лежали открытыя историческія книги, развернутые чертежи и карты. Съ братьями была и Зина. Раскраснѣвшаяся отъ волненія, она стояла и слушала Александра, развивавшаго передъ нею планъ дѣйствій; глаза ея блестѣли; еслибы не больная мама она, казалось ей, такъ бы и ринулась за братьями въ эту страшную, но такъ и манившую къ себѣ поѣздку. Она первая предложила на общее дѣло подаренныя ей къ рожденію деньги; ихъ въ копилкѣ оказалось 12 рублей.

Романъ сидѣлъ и дѣлалъ выписки и отмѣтки на одной изъ подробныхъ картъ.

Общій совѣтъ рѣшилъ затѣмъ насупить какъ можно больше чернаго хлѣба, не ѣсть получаемой за завтракомъ ветчины, раздобыть солонины, чаю, сахару, словомъ, все, что возможно, и прятать все это въ укромномъ мѣстѣ. Александръ предложилъ навялить сырой говядины по образцу американскихъ охотниковъ, какъ описывается это у Майнъ-Рида, но практичный Романъ отвергъ его мысль.

Вхатъ рѣшили черезъ три-четыре дня: такая отсрочка вызвана была необходимостью собрать провизію. Романъ мужественно отказывалъ себѣ во всемъ въ чемъ только было возможно. Зина дѣлала то же; сверхъ того она добыла откуда-то холста и, по указанію Романа, усердно кроила и шила изъ него мѣшки. Въ избѣ у скотницы сушились черные сухари, густо посыпанные солью. Александръ крѣпился одинъ день, но на другой изъ груди его при каждомъ кускѣ, подносимомъ вмѣсто рта къ карману, стали вырываться легкія вздохи. Въ видахъ «облегченія души», по его выраженію, онъ прежде чѣмъ прятать, нѣтъ-нѣтъ и нюхалъ аппетитную свѣжую ветчину.

Отецъ то пріѣзжалъ, то опять уѣзжалъ куда-то; онъ былъ такъ разстроенъ и озабоченъ, что обратиться къ нему за разрѣшеніемъ поѣздки мальчики не хотѣли. Выждавъ, когда отецъ выѣхалъ изъ дому, они отправились къ матери, и та сейчасъ-же отпустила ихъ и дала на поѣздку тридцать рублей. Бѣдная женщина сдѣлала это охотно, такъ какъ хотѣла развлечь дѣтей, отъ которыхъ, несмотря на старанія ея, не укрылось печальное положеніе дѣлъ.

Радостные возвратились братья въ свою комнату. Здѣсь ихъ ожидалъ первый ударъ.

На одной изъ кроватей сидѣлъ Юра и съ мрачнымъ видомъ болталъ ногами. Старшіе не обратили

было на него вниманія, но онъ скоро самъ заговорилъ съ ними.

— А вотъ я скажу мамѣ, что вы врете ей!

Александръ подскочилъ на мѣстѣ.

— Что, что ты сказалъ, несчастный?!

— А то, что я знаю все: вы вовсе не къ Левашевымъ ѣдете, — провизіи-то у васъ я полный чемоданъ на чердакѣ видѣлъ! Я все слыхалъ, какъ вы вчера вечеромъ переговаривались: вы думали, я спалъ, а я все слышалъ! Все скажу!

Уговоры, угрозы и всевозможныя обѣщанія остались напрасными. Юный первоклассникъ упорно твердилъ свое: или пусть возьмутъ и его или онъ разрушитъ затѣю, открывъ ее.

Послѣ долгихъ споровъ и взрывовъ отчаянія со стороны Александра, Романъ отозвалъ Александра въ сторону и сказалъ ему, что надо согласиться. Юра мальчишкѣ шустрый и крѣпкій и потому въ тягость имъ не окажется. Рѣшеніе это было объявлено Юрѣ, и тотъ чуть съ ума не сошелъ отъ восторга. До отъѣзда оставалось еще два дня. Сборы продолжались съ новымъ рвеніемъ. Александръ, пользуясь случаемъ, свою долю заботъ свалить на Юру, поручилъ ему между прочимъ и поиски кирки и двухъ желѣзныхъ лопатъ, которыя самоотверженно и были найдены тѣмъ среди грудъ сора и стараго хлама въ сараѣ.

Атаманомъ экспедиціи, какъ самый сильный и положительный былъ избранъ Романъ; Александра сдѣлали казначеемъ, Юру — провіантмейстеромъ. Мальчишки дали торжественную клятву повиноваться приказамъ Романа, хотя и рѣшили вмѣстѣ съ тѣмъ устраивать на привалахъ совѣты.

Полные хлопотъ, споровъ и сборовъ два дня пролетѣли быстро; осталась одна ночь, послѣдняя передъ задуманнымъ путешествіемъ.

Зина долго, пока не явилась за нею горничная,

не уходила изъ комнаты братьевъ. Подъ постелью Романа стоялъ небольшой, раздувшійся отъ поклажи, старый чемоданъ, перевязанный ремнями: въ немъ находилась провизія. Романъ чистилъ и осматривалъ револьверъ; Юра бралъ съ собою лукъ, стрѣлы и удочки, при помощи которыхъ рассчитывалъ снабжать общество дичью и рыбою. Александръ лежалъ и мечталъ вслухъ о скрытыхъ въ землѣ сокровищахъ. Когда Зина, крѣпко расцѣловавшись со всѣми и тайкомъ перекрестивъ Сашу, убѣжала къ себѣ со слезами на глазахъ, мальчики стали раздѣваться и скоро улеглись по постелямъ. Но сонъ былъ далеко отъ нихъ.

Александръ заявилъ, что возьметъ съ собою ружье; но Романъ воспротивился, заявилъ, что оно будетъ только мѣшать и выстрѣлы привлекутъ чье-нибудь совершенно ненужное имъ вниманіе.

Александръ уступилъ. Но подъ вліяніемъ ли темноты и сознанія, что только *одна* ночь отдѣляетъ ихъ отъ нешуточнаго предпріятія, имъ стало овладѣвать странное чувство. Минутами ему дѣлалось такъ страшно, что онъ готовъ былъ все отдать, лишь бы разрушилось какъ-нибудь или отдалилось задуманное.

— Знаешь, что, Романъ! нерѣшительно проговорилъ наконецъ онъ. — Надо бы намъ взять еще кого-нибудь съ собою...

— Что? Это еще зачѣмъ?

— Намъ однимъ не справиться. Вдругъ попадется большой котелъ или сундукъ съ деньгами, — мы его и не вытащимъ? А кто чемоданъ понесетъ?... Да наконецъ, на насъ могутъ напасть гдѣ-нибудь въ лѣсу... Степку бы взять съ собой: онъ богатырь!

Романъ презрительно засмѣялся.

— Трусъ! коротко проговорилъ онъ. — А револьверъ-то у меня зачѣмъ съ собой?

— Вовсе не трусъ! Что твой револьверъ до-